

ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В МОДАЛЬНОСТЯХ ПЕРЕЖИВАНИЙ И В ОБЩЕНИИ

В.В. Крюков

Новосибирский государственный
технический университет

krukov@fgo.nstu.ru

В предлагаемой статье автор намерен показать, что процесс социализации человека обладает не только диахроническими, т. е. временными, но и *модальными* параметрами, связанными с наложением на действительное существование и проявлением в нем массы возможностей, которые человек переживает не в своей действительной жизни, а в своем воображении, в пространстве духа, иллюзорно и идеально. Или не телесно среди тел, а имитационно среди моделей, образов и знаков. Сейчас это принято называть *виртуальной реальностью*.

Также показано, что в роли субъекта общения могут выступать: личность, социальная группа, общественный институт. Отсюда определены основные формы общения: межличностные, межгрупповые, межсоциумные, общение между личностью и группой, между группой и обществом, между личностью и обществом.

В философской типологии можно выделить прямое и косвенное общение. В прямом общении осуществляется совместность человеческой деятельности. Опосредованное общение является взаимодействием субъектов, разделенных в пространстве или во времени, и сам акт общения осуществляется посредством ценностей – как вещественных, так и духовных.

В современном мире с развитием информационных технологий возможности общения перешли на новый – интерактивный уровень, когда в многосторонний диалог врывается виртуальная реальность.

Ключевые слова: виртуальность, действительность, модальность, диахрония и синхрония, общение, коммуникация, интеракция, социальные субъекты, эволюция форм общения, виртуальная реальность.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-3.1-34-42

В одной из своих работ [2] автор статьи показал, что в жизни современного человека появилось новое измерение существования, дополнительная *глубина* бытия – это *виртуальная реальность*. Обычно данный термин связывают с компьютерной сферой, но все чаще понятие «виртуальный» употребляется в контексте, совершенно выходящем за рамки области информатики и компьютерной техники. Так, вошли в обиход

такие еще до недавнего времени неизвестные словосочетания, как «виртуальная корпорация», «виртуальные деньги», «виртуальная игрушка», «виртуальная студия» и т. п. Глубина проникновения виртуальности в социальную и индивидуальную жизнь позволяет говорить о «виртуализации» общества. Можно утверждать, что на сегодняшнем этапе информационные технологии современного общества начина-

ют выступать в своей виртуальной ипостаси. Тенденция ведет к тому, что проблема, связанная с распространением виртуальных технологий, выходит за рамки специальных наук и становится проблемой, требующей философского осмысления статуса виртуальной реальности.

«Виртуальная реальность – это *мир отражений* человеческих душ, изначально не злой и не добрый. Возвышает человека, беспредельно расширяет его существование искусственно сотворенная его воображением или его техникой *виртуальная реальность*. И если порой она его губит, то губит не сама *глубина*, а тот синдром разрушения, который привнес в нее сам человек. Виртуальный мир бесстрастен, он лишь отражает то, что *внутри* нас [3, с. 134].

Речь идет о том, что по типу реальных взаимодействий предметного, вещественного характера в духовном мире личности с помощью рассказов и книг, картин и фильмов, вообще с помощью любых способов конструирования образов строится множество идеальных моделей. Человек мысленно, в своем воображении, в фантазии может представить себя в другом облике – скажем, на месте князя Андрея Болконского; в другой ситуации – скажем, среди рыцарей Круглого стола; вообще в фантастической обстановке – например, на шабаше ведьм на Лысой горе играющим с нечистой силой в подкидного дурака; даже в совершенно невозможной в реальности роли – допустим, в виде фужера с шампанским, которым чокаются за новогодним столом.

Только в виртуальном мире возможно *переволношение*, и, кстати, это – один из приемов эвристики для конструкторов: представить себя тем предметом, который собираешься создать, и прочувствовать его форму, движения и функции с точки зрения

удобства и эффективности действия. Перевоплощением в духовном пространстве, в знаковой модели человек постоянно и широко пользуется, расширяя с помощью возможных, но здесь и сейчас виртуальных состояний спектр своего существования, проигрывая мысленно доступные вообще и недоступные в принципе варианты своей персонификации.

Вообще человек может быть представлен диахронически как последовательная смена стадий существования, как ряд фаз процесса формообразования, как галерея различных обликов: младенец, ребенок, отрок, юноша, зрелый муж, мужчина в годах, старец. Но в этой перемене *ипостасей* (явлений), модификации состояний личность сохраняется как *усия* (сущность), как непреходящее единство, и целым рядом обстоятельств – память, документы, фотографии, очевидцы, результаты деятельности – она может быть идентифицирована.

Когда я перелистываю свой семейный альбом и разглядываю свои лица разных лет – голыш в умильной позе, первоклашка с ранцем за спиной, школьник у классной доски с чертежом параболы, юноша с гитарой среди подружек, студент с первой редкой бородкой и шевелюрой «под Платона», а затем вижу в зеркале весьма средних лет мужчину с животиком и лысиной на полголовы, я помню, я знаю, что всё это я. И это, несмотря на видимые различия и тот факт, известный мне из физиологии, что благодаря процессам метаболизма и обмена веществ в моем теле не осталось ни единой молекулы из того вещества, из которого оно состояло четыре или пять лет назад. Я существую в другой плоти, но существую как «Я».

В моей духовной эволюции такая же картина: за истекшие годы я приобрел зна-

ния, поднакопил жизненный опыт, но упустил былую непосредственность; потерял некоторых близких людей, но появилась семья, родились дети; утратил кое-какие иллюзии, но появились и некоторые надежды; научился сдерживать страсти и ладить с людьми, но приобрел и некие «вредные привычки», по поводу которых ворчит жена. Вместе с тем, перечитывая отроческие стихи или наигрывая юношеские песни, перелистывая кандидатскую диссертацию или перебирая первые статьи, я ощущаю, что в чем-то я не изменился; что есть во мне давнем, вчерашнем и сегодняшнем некий инвариант, который можно как угодно называть – душа, внутренний мир, субъективная реальность, личность, но он есть нечто делающее меня самим собой, придающее мне определенность и выражающее модальность моего бытия в потоке временных изменений.

Аналогичным образом обстоит дело и с современным нам многообразием. Вокруг себя мы видим множество людей – множество, становящееся зримым в толпе и осязаемым в автобусе или метро. И в лица, и в жизни, чужие нам, мы смотримся как в зеркало, пытаясь прежде всего увидеть *свое* возможное, но *вневременно* проходящее и поэтому *виртуальное* содержание.

Я слушаю, как читает свои стихи поэт или выступает с песнями бард, и думаю о том, что и я мог бы быть на их месте, прожить другую, богемную и суматошную жизнь с какой-то совершенно отличной от моей судьбой. Мог бы стать шофером или поваром – мне и сейчас нравится сидеть за рулем или «коддовать» у плиты. Я мог бы жить в другом городе – Хабаровске или Санкт-Петербурге; жена у меня была бы не шатенка, а блондинка, и не Ксантиппа, а Пенелопа; и были бы у меня не два сына,

а две дочери, и не снохи, а зятя. И думаю я так потому, что все это есть у *других* людей, которые в принципе ничем не отличаются от меня, и именно поэтому я примеряю на себя обстоятельства *их* жизней, помня, однако, и о тех стрелках, поворотных пунктах в моей биографии – *точках бифуркации*, как модно сейчас говорить, которые вывели мою судьбу на ту именно колею, по которой она катится по сей день.

Добавим к этому, что благодаря книгам и фильмам, вообще любым знаковым формам в поле моего внимания попадают давно умершие Сократ и Аристотель или никогда не существовавшие помещик Костя Левин и дон Румата Эсторский, и тогда становится очевидным, что наряду с явной судьбой я переживаю и *имплицитно* (скрыто) несу в себе массу неявных, виртуальных жизней.

Пласты временной и пространственной сталкиваются между собой и пересекаются. Взрослый, поживший и обремененный опытом мужчина снисходительно смотрит на угловатые – то развязные, то скованные манеры отрока, на его петушинные потуги тоже что-нибудь «кукарекнуть», потому что сам был таким и знает, что все выправится, все придет *в свое время*: он видит свое прошлое и не склонен судить его излишне строго. Точно так же юное дарование с благоговением внимает своему мэтру; ученик подражает мастеру даже в манере прикуривать сигарету; девушка отступает в тень перед зрелой и победительной красотой спокойной и уверенной в себе женщины и восхищается видимой легкостью ее власти над мужчинами; пылкий адепт с восторгом слушает политического трибуна – именно потому, что все они видят и предвкушают свое будущее, они мысленно примеряют на себя

те возможности, которые уже реализованы их старшими современниками, и ждут *своего часа*. Так виртуальные для нас самих сюжеты предстают перед нами во плоти, и мы видим себя вчерашних или завтрашних *здесь и теперь*.

Благодаря способности к рефлексии, определяющейся духовным, символическим способом освоения действительности, человек живет не только *сейчас и тут*, находясь как животное в ближайшей окрестности точки настоящего, но *там и тогда*, проникая памятью и воображением в прошлое и будущее, переносясь мысленно из своего бытия в чужое, из телесного существования в инобытие, экстраполируя все богатство многообразия реальности на свой внутренний мир, именно в этом процессе освоения и понимания приобретая *сознание*.

Приведем аналогию с телевизором. Когда мы смотрим какую-нибудь передачу: «Поле чудес» или программу «Время», канал «Россия» или НТВ, нам же не придет в голову утверждать, что все сюжеты, которые мы видим на экране, локализованы и тем более возникли в самом телевизионном «ящике». Телевизионный приемник «отвечает» только за четкость, контрастность, цветность изображения на картинке, но никоим образом не за ее содержание, и в этом легко убедиться: достаточно выдернуть из гнезда штекер антенны – и на экране останется лишь фоновая рябь. Точно так же дело обстоит и с психическим образом – зрительным или слуховым, осязательным или обонятельным: он не локализован в «пространстве мозга» или даже в «пространстве тела». Он актуализирует и концентрирует в местной локальности субъективной реальности информацию, циркулирующую в поле сигналов.

Поскольку же в процессе перцепции исключительную роль играет зрение, которое дает нам до 97 % всей информации о внешней реальности, то *человек* как субъект ориентационной деятельности есть, выражаясь по-старославянски, «*очеловец*», «*ловящий очами*», «*видящий*», а люди суть *очеловецъи*» [1, с. 30].

Совершенно так же следует рассуждать и относительно интеллектуальных компонентов субъективной реальности. Все содержание наших мыслей обусловлено операциональным содержанием нашей практической деятельности, а формы выражения мыслей полностью определяются той знаковой системой, в которой осуществляется общение: это прежде всего и главным образом язык, внешняя и, как следствие, внутренняя речь. Опять же мысль есть актуализация в местной локальности субъекта как фрагмента реальности информации, циркулирующей в поле знаков. Это и есть *со-знание*, совместное изначально и, как следствие, индивидуальное *владение знаковой системой*, манипулирование *знаками*, которое и есть, собственно, *мышление*. Вот почему «человек, снова выражаясь по-старославянски – *мыслѣтя*, а люди суть *мыслѣти*» [3, с. 149].

Информация плотнее там, где происходят какие-то интенсивные изменения, и сливается в ровный фон там, где сохраняется относительная устойчивость. Информация специфична в своей модальности на разных уровнях организации, она проявляется различным образом в разных типах материальных систем. В частности, психика человека, на субстрате которой формируется субъективный образ, включена в, по крайней мере, три разных типа взаимодействий и, соответственно, функционирует как бы в трех различающихся про-

странствах: *соматическом*, в котором формируются и переживаются в эмоционально-чувственной модальности (удовольствие, раздражение, боль, экстаз) состояния клеток, тканей и органов тела; *перцептуальном*, генерирующем сопереживания, сопряженные с биологически значимыми естественными факторами природной среды (зеленое, сладкое, теплое) – через зрение, вкус, слух и т. п.; наконец, *семиотическом* пространстве, в котором как внешние предметы, так и внутренние психические комплексы (допустим, фонемы языка) функционируют не в своей естественной, первозданной модальности, а в соответствии с искусственным качеством, иначе говоря – смыслом, который придает-ся им содержанием человеческой практической деятельности.

Образ действительности не есть автономная реальность, а это своего рода *квант*, ступок некоторого поля информации, и в этом смысле он такой же внешний для субъекта, как и внутренний элемент его бытия. Континуум информации не разрывается, а только концентрируется в содержании психики, меняя лишь субстратность, вещественность носителя.

Так, к примеру, мелодию «Чижика-пыжика» можно пропеть голосом: басом или дискантом; прогудеть на трубе или просвистеть на флейте; отстучать на ксилофоне или пианино; записать на грампластинку в виде механической борозды, на магнитную ленту в виде переменных потенциалов, на киноленту в виде световой дорожки зачернений по краю целлулоидной пленки, в цифровой форме в компьютере. Аналогично длина волны колебаний электромагнитного поля или частота колебаний воздуха замещаются в психике красным или звенящим, а частота колебаний молекул в зависимости от диапазона

ощущается как кислое или соленое. Во всех случаях различен *материал*, но инвариантен *эйдос*.

Развитие общественности в прошедшем веке, в котором принцип разделения труда господствовал над цельными представлениями о социальных процессах и человеческом бытии, привело к упрощенным истолкованиям общения. Оно сводилось к межсубъектным взаимодействиям. Соответственно, многообразные формы общения редуцировались к представлению о непосредственных контактах между людьми. И хотя философско-методологический анализ явно демонстрировал сложность проблемы общения, и сегодня как в повседневном, так и в научном сознании доминирует стереотипное понимание общения как непосредственного взаимодействия между людьми.

А.В. Резаев характеризует общение как «понятие, обозначающее социальный феномен, который раскрывает механизмы структурирования, организации и функционирования человеческого общества, способы и формы включения индивида в социально-исторический контекст». В его представлении, общению принадлежит роль связующего элемента в системе «человек – общество». Социальность является неотъемлемым свойством общения, т. е. общение присуще только человеческому обществу.

Автор этой статьи в своей ценностной концепции общения вообще формулирует закон: *достоинство человеческой личности определяется совокупными усилиями, общими и индивидуальными, затраченными на формирование этой личности и на самореализацию накопленного ею духовного богатства*. Внутренний мир человека лишь в очень малой степени выражается внешне: в мимике лица, в глазах как

зеркале души, в одежде и манере поведения. В главном своем содержании душа человека раскрывается в *общении*. Мудрый Сократ, вступая в беседу с человеком, предлагал: «Заговори, чтобы я тебя увидел!». Изначально «общение предшествует формированию человеческой личности... и, выражаясь категориально, является субстанцией личности» [4, с. 122].

Для целостного исследования процесса общения на философском уровне А.В. Резаев выделяет три парадигмы: а) информационно-инструментальную; б) экзистенциально-феноменологическую; в) марксистскую историко-материалистическую. Он пишет о том, что, функционируя на различных уровнях социальной реальности, «общение предстает: а) как взаимосвязь – взаимодействие и обмен образованиями материального и духовного порядка – способностями, деятельностью, информацией, мыслями, чувствами; б) как реализация внутренней потенции самосознающего индивида; в) как персонификация, актуализация и реализация структурной характеристики общества – общественных отношений» [7, с. 381].

Рассматривая эволюцию социально-философских представлений категории общения, А.В. Резаев выделяет пять этапов развития.

Первый этап вплоть до конца XVIII века, когда трактовки общения людей друг с другом выступали в форме конструкций, раскрывающих либо этические, либо политические характеристики общества.

Второй период ознаменовался индустриальной революцией и политическими катаклизмами во Франции и Англии. Выделяются две характерные черты изучения общения в этот период. Первая черта (в развитие идеи Аристотеля) – общение

есть соединение в одном процессе того, кто говорит, что говорит и какой говорит аудитории. Вторая черта была обусловлена появлением двух противоположных трактовок общества: «консенсусной», где общение представлено в терминах столкновения интересов, и «конфликтной», которая характеризуется критическим отношением к существующим социальным порядкам.

Третий этап трактовки общения в истории социальной мысли связан с открытием в середине XIX века материалистического понимания истории и формулировкой теории общественных отношений.

Четвертый этап развития представлений о социальных взаимосвязях приходится на конец XIX и на XX столетие – время бурного развития социологии, психологии, лингвистики, кибернетики. Методология, модели и принципы этих дисциплин становятся определяющими для изучения общения в XX веке.

И, наконец, в настоящее время, по мнению А.В. Резаева, разворачивается пятый, «поисковый» этап развития теоретических представлений о сущности рассматриваемого феномена, ориентированный на синтез и обобщение уже достигнутых результатов.

Ю.В. Перов предложил разграничить всего две основные стратегии социально-философских *коммуникативных* теорий [6]. Стратегии первого типа, обозначенные в терминологии Ю. Хабермаса как «субъект-центрированные», в качестве исходного пункта теории и методологии отправляются от субъектов и их деятельности. При этом речь может идти как об индивидуальных, так и о коллективных или исторических субъектах. Теории этого вида обладают более весомой историко-философской родословной.

Другой тип стратегии, противоположный первому, это так называемые «системно-структурные» или функциональные модели общения. Во главу угла сторонники данного подхода ставят не субъекты, а функции. Предметом исследования являются не деятельность и сознание людей, а системы устойчивых способов и форм взаимодействий – «дискурсы», жизненные «практики».

Ю.В. Перов пишет о том, что на протяжении XIX и XX веков теории социального общения, реализовывавшие субъект-центрированные стратегии, преобладали в количественном отношении и имели большую степень влияния. Впервые иная возможность анализа общения была намечена Гегелем в исследованиях гражданского общества, где многообразные взаимодействия индивидов формируют всеобщую общественную связь, обладающую собственными закономерностями. «Но если у Гегеля такой подход к исследованию социального общения был намечен, то у Маркса его можно считать преобладающим. Такой системно-функциональный подход оказался эффективным применительно не только к общению, но и к общественной деятельности в целом» [6, с. 22].

Ю.В. Перов подчеркивает, что как субъект-центрированные, так и системно-структурные стратегии при их последовательной реализации оказываются контрарными и отчасти тупиковыми. Однако он считает проблематичной возможность философского синтеза, который был бы способен преодолеть односторонние крайности этих стратегий.

Для философии общение представляет особый интерес, поскольку в нем концентрируются формы мышления и деятельности, общезначимые категории

и субъективные намерения индивидов. В рамках данной категории можно выделить прямое и косвенное общение, непосредственное и опосредованное. В прямом общении люди взаимодействуют лицом к лицу, участники находятся здесь и сейчас. В этой форме осуществляются совместность, непосредственная коллективность человеческой деятельности. Но как деятельность не сводится к прямой совместности, так и общение нельзя ограничивать только лишь контекстом непосредственного контакта. Опосредованное или дистанционное общение представляет собой взаимодействие субъектов, разделенных в пространстве или во времени, и сам акт общения осуществляется посредством созданных людьми ценностей как овестьственных результатов деятельности, опредмеченных или обозначенных.

По теории канадского философа М. Мак-Люэна, в зависимости от способа общения между людьми можно выделить три эпохи в истории человечества. Первая эпоха – это эпоха племенного индивида или «человека слушающего». Общение этого индивида ограничивалось устной речью, а сама эпоха длилась очень долго – от Адама до XV века. Вторая эпоха – это эпоха типографского индивида или «человека читающего». Этот индивид общался с другими людьми с помощью печатного текста, а эпоха длилась с XV века, когда Гутенберг изобрел типографский станок, до 80-х годов XX века. Третья эпоха – эпоха информационного индивида – «человека смотрящего и слушающего» одновременно [5, с. 73].

В современном мире с развитием новых компьютерных информационных и коммуникационных технологий возможности общения перешли на новый уровень. Общаться в сети Интернет, человек погружается

в виртуальную реальность и получает возможность не только «смотреть и слушать», но и реагировать, выражать свои эмоции в конкретный момент коммуникации, при этом, возможно, совершая одновременно несколько актов общения. А при обилии так называемых «Ников» еще вопрос: является ли коммуникация посредством виртуальной реальности общением? И каковы положительные и отрицательные стороны процесса виртуализации общения? Эти вопросы будут актуальны для исследователей в ближайшее время.

Литература

1. *Донских О.А.* К истокам языка: в шутку и всерьез. – М.: ЛИБРОКОМ, 2011. – 192 с.
2. *Крюков В.В., Николенко А.В.* Виртуальная реальность: понятие и техническое воплощение // Социально-гуманитарные исследования: сборник научных трудов. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2003. – Вып. 2. – С. 87–102.
3. *Крюков В.В.* Материя и бытие в диахронической версии. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2007. – 155 с. – (Монографии НГТУ).

4. *Крюков В.В.* Общение как субстанция личности // Личность в диалоге: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции (г. Хабаровск, 17–18 февраля 2009 г.) / под ред. Е.Н. Ткач. – Хабаровск: Изд-во ДВГГУ, 2009. – С. 122–128.

5. *Маклюэн М.* Осмысляя средства коммуникации: новые измерения человека: (выдержки из книги «Understanding media: the extensions of man». New York, 1964) // Искусство кино. – 1994. – № 2. – С. 67–74.

6. *Перов Ю.В.* Стратегии философского осмысления социального общения // Коммуникация и образование: сборник статей / под ред. С.И. Дудника. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2004. – С. 9–32.

7. *Резаев А.В.* Об общении, его социально-философской рефлексии и возможностях социологии коммуникации // Homo philosophans: сборник статей к 60-летию профессора К.А. Сергеева. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – С. 375–395. – (Мыслители; вып. 12).

VIRTUAL REALITY IN MODALITIES OF EXPERIENCES AND INTERACTION

V. V. Kryukov

Novosibirsk State Technical University

kryukov@fgo.nstu.ru

In the article the author demonstrates that the process of socialization of a person doesn't have only diachronic character (*time* parameter), but it also has *modal* parameters connected with the actual existence of a person and manifestation of many opportunities within that existence, which the person experiences not only in the real life, but also in the imagination spiritually, illusory and ideally. If to put it otherwise: immaterial among objects, but imitating among models, images and symbols. Now people call it – *virtual reality*.

It is also shown, that the role of the subject in communication can be taken by: a person, a social group, a public institution. The basic forms of communication are determined: interpersonal, intergroup, intersociety, interaction between a person and a group, between a group and a society, between a person and a society.

In philosophical typology one can determine direct and indirect communication. In direct communication togetherness of human activities is implemented. Indirect communication is the interaction

of subjects separated in space or time, and the act of interaction itself is carried out through the values: both material, and spiritual.

In the modern world with the development of information technologies the opportunities of communication stepped up to a new interactive level when the virtual reality breaks into a multilateral dialogue.

Keywords: virtual reality, reality, modality, diachrony and synchrony, communication, interaction, social subjects, evolution of forms of interaction.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-3.1-34-42

References

1. Donskikh O.A. *K istokam yazyka: v sbutku i vser'ez* [For the origins of language: as a joke, and seriously]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2011. 192 p.
2. Kryukov V.V., Nikonenko A.V. [Virtual reality: concept and technical realization]. *Sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya: sbornik nauchnykh trudov* [Social and humanitarian research: collection of scientific papers]. Novosibirsk, NSTU Publ., 2003, iss. 2, pp. 87–102.
3. Kryukov V.V. *Materiya i bytie v diakhronicheskoj versii* [Matter and being in the diachronic version]. Novosibirsk, NSTU Publ., 2007. 155 p.
4. Kryukov V.V. [Communication as a substance of personality]. *Lichnost' v dialoge: sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferentsii* (Khabarovsk, 17–18 fevralya 2009 g.) [Personality in the Dialogue: collection of scientific papers on the materials of the international scientific and practical conference (Khabarovsk, 17–18 February 2009)]. Ed. by E.N. Tkach. Khabarovsk, DVGGU Publ., 2009, pp. 122–128.
5. Maklyuen M. *Osmyslyaya sredstva kommunikatsii: novye izmereniya cheloveka: (vyderzhki iz knigi "Understanding media: the extensions of man". New York, 1964)* [McLuhan M. Conceptualizing a means of communication: a new dimension brow-century (book excerpt «Understanding media: the extensions of man». New York, 1964)]. *Iskusstvo kino – Film Art*, 1994, no. 2, pp. 67–74.
6. Perov Ju.V. [Strategies of philosophical thought on social communication]. *Kommunikatsiya i obrazovanie: sbornik statei* [Communication and education: digest of articles]. Ed. by S.I. Dudnik. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo Publ., 2004, pp. 9–32.
7. Rezaev A.V. [On communicating its social and philosophical reflection and the possibilities of sociology of communication]. *Homo philosophans: sbornik statei k 60-letiyu professora K.A. Sergeeva. Mysliteli. Vyp. 12* [Homo philosophans: festschrift in honor of 60th anniversary of Professor K.A. Sergeev. Series «Thinkers». St. Petersburg, Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo Publ., 2002, iss. 12, pp. 375–395.